УДК 140.8

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ОПЫТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ

Старостин Александр Михайлович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал, заведующий кафедрой философии и методологии науки, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Аннотация
В статье обсуждаются проблемы мировоззренческого сопровождения и мировоззренческой поддержки современных глобальных трансформаций. В современном мире эти функции на высшем уровне реализуются на базе философского мировоззрения. Важную значимость при этом несет философский опыт как контрагент философско-теоретической деятельности. Именно в его структуре заложены истоки философско-мировоззренческого отношения к миру вообще. Показано, что западный философско-мировоззренческий опыт специфичен корреспондентностью духовно-практических отношений. Восточный – их когерентностью. А в России ее философско-мировоззренческий опыт приоритетно нацелен на подготовку условий для смысложизненной и идентификационной рефлексии.

Ключевые понятия:
глобализация, цивилизационная парадигма, опыт, экстраспективные и интроспективные установки, философско-мировоззренческий опыт, корреспондентность и когерентность духовно-практической деятельности, смысложизненная и идентификационная рефлексия.

Современный мир динамично глобализируется: интенсифицируется многократно обмен товарами, услугами, инновациями, людьми. В противоречивое движение пришли известные, веками складывавшиеся экономические и политические институты, и прежде всего государства. В этих условиях остро поставлен вопрос о понимании и прогнозировании данных изменений. И речь идет не о частичном, аспектном видении, а о целостном, синтетическом. Этот запрос адресуется прежде всего философии. Но и сама философия, которая еще недавно казалась креативной и привычной к решению подобных задач рационально-мировоззренческого уровня, оказалась в затруднении, поскольку в ней наметились не просто альтернативные подходы в русле известных философских парадигм, но альтернативные варианты видения состояний и путей дальнейшего глобального движения с позиций разных цивилизационных культур. И вместе с тем достаточно выпукло проявились то ли взаимно конкурентные, то ли взаимно дополнительные сценарии глобализации: глобальной модернизации, глобальной сервисизации, ноосферизации, конфликта локальных цивилизаций и др.

На уровень глобальных взаимодействий, конкуренции, конфликтов вышли не только политические, экономические, идеологические институты и процессы, но и мировоззренческие образы, методологические и мыслительные процессы и стили управления.

Как совершенно справедливо отметил Ричард Э. Нейсбит: «Примечательно, как общественные структуры и самосознание, присущие жителям Запада и Востока, подходят к их же воззрениям и мыслительным процессам. Коллективизм азиатского социума согласуется с широким контекстуальным взглядом на мир его представителя. Соответственно, индивидуализм западного общества естественным образом согласуется с вниманием европейца к частным предметам в оторванности от среды, верой в линейные законы поведения объектов и возможностью управления этим поведением» [5, с. 19].

Остановимся на обозначенных сюжетах, а именно: цивилизационном контексте философско-мировоззренческой деятельности и моделях философского мышления и поведения в рамках таких контекстов. Именно философская картина мира выполняет рационально-мировоззренческие функции в духовном пространстве современного мира. Но прежде о цивилизационном контексте, который индуцируется цивилизационной парадигмой в гуманитарном познании.

В этом плане вопрос о цивилизационном подходе к философии, по крайней мере в

нашей культуре, навеян прежде всего многолетними спорами о специфике русской философии. В последнее время этот вопрос был заострен в работах Ф.И. Гиренка, В.И. Красикова, П.А. Сапронова и других отечественных философов, подвергнувших сомнению не только аспект самостоятельности и самодостаточности русской философии, но и само ее существование как самостоятельного течения мысли.

Обозначенные коллизии, все более явно дающие о себе знать в современном мире, говорят о том, что проблема оснований и специфики философско-мировоззренческого мышления и знания выходит на новый виток своего развития и влияния. Достаточно основательным и значимым становится *цивилизационный подход,* или *цивилизационная парадигма,* в репрезентации различных моделей философствования. Она значима и показательна прежде всего в системе координат «Запад-Восток-Россия». На это обращают внимание исследователи и мыслители, занимающиеся прежде всего духовными и интеллектуальными проявлениями в рамках русской культуры (Н. Мотрошилова, Э. Кульпин, А. Зиновьев, А. Панарин, С. Кара-Мурза, А. Ерыгин. и др.).

Нами феномен цивилизационной идентичности на уровне проявлений в гуманитарной и философской культуре также изучался с начала 2000-х гг. [9, 12], и было показано, что дискурсивно-когнитивные и цивилизационно-аксиологические параметры, которые до поры до времени составляют неявный, скрытый аспект философствования, при функциональных и прикладных задействованиях «любомудрия» дают целый спектр направлений развития философии в ее восточной, западной и российской версиях.

В частности, существенную роль при форматировании философского дискурса в разных его версиях играют так называемые культурно-мировоззренческие матрицы, складывающиеся на основе таких базовых ценностно-культурных универсалий, как: «индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум» – в западной культуре; цивилизации; «государство – традиция – иерархия – порядок – вера – стабильность» – в восточной; «общество – государство – мир (умиротворение) – духовность – всеединство – совесть – справедливость» – в российской [13].

Нами также было выявлено, что различные модели репрезентации философского мышления и знания обнаруживаются не только при глубинной цивилизационно-культурологической реконструкции, но и при изучении динамики межцивилизационного взаимодействия, в частности, в процессе наблюдаемой диффузии различного вида инноваций (технико-технологических, социальных, политических и др.), включая и философские [11, с. 50–58].

Что касается парадигмально-цивилизационного образа философской деятельности, то здесь сложилось несколько вариантов видения подходов:

– традиционная философская компаративистика (см., например: [3]), в рамках которой устанавливаются общие и специфические черты философской деятельности в рамках разных цивилизационных культур. Так сказать, философская «концепция черт»;

– «просвечивание» философской деятельности в ее генезисе и эволюции с междисциплинарных позиций новых областей познания, предметно изучающих сложную когнитивную деятельность [1, 4–5, 7, 14]: социологии познания, гуманитарной когнитологии, глубинной и трансперсональной психологии, концепции множественного интеллекта и др.;

– системно-компаративный подход, выделяющий в философской деятельности и философском познании фундаментальный и прикладной уровни, основные модели философского опыта и философской логики, кросс-культурные и конвергентные конструкты [8].

Последняя модель является авторской и включает концепт философского опыта как исходной и конечной инстанции философской деятельности, реализующей «философский путь», тот самый путь к мудрости, понимание структуры и функций которой без этого концепта нерелевантно этому пути.

Понимание «философского опыта» достаточно противоречиво, неоднозначно и требует вместе с тем прояснения того, что мы вообще понимаем под опытом.

Существующие определения и трактовки на сей счет достаточно узки и традиционны. Классическое понимание, например, излагается В.А. Лекторским:

«Опыт – знание, которое непосредственно дано сознанию *субъекта* и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью – будь это реальность внешних субъекту предметов и ситуаций (восприятие) или же реальность состояний самого сознания (представления, воспоминания, переживания и т.д.). Большинство философов сближали опыт с чувственным знанием» [6, с. 158].

Как видим, это узкокогнитивное, статично-уровневое понимание Опыта как «низшего» (первичного) уровня познания и знания. Под него «философский опыт» подходит с большим трудом.

Что касается более широких подходов к опыту, в которые может быть вписан и философский, и математический, и мистический опыт, то они основываются и на иной концепции, и на иных трактовках. Прежде всего, это суждения об интенции опытной деятельности, связанной с характером познавательных ситуаций: макрокосмической, направленной на преобразование и познание внешнего мира, и – микрокосмической, направленной на освоение и понимание внутреннего мира, личностного мира.

Касательно макрокосмической установки, которая получила преимущественное и интенсивное развитие в Западной цивилизации, мы имели ранее возможность апробировать концепцию космического опыта [10].

Что касается традиций восточных цивилизаций, то здесь основная интенция в развитии опыта как раз состоит в направленности на «внутренний космос», в личностный микрокосмос и граничащий с ним трансперсональный опыт. Как говорится: если не можешь изменить внешнюю реальность, знание о которой крайне необходимо, измени внутреннюю реальность (включая и состояние сознания, и их контекстуальную часть), в которой эта внешняя реальность фиксируется. В современной западной науке лишь сравнительно недавно стали изучаться измененные состояния сознания (ИСС) и переходные к ним состояния [2]. Между тем многовековые традиции «духовного преобразования (экспериментирования)» успешно развивались в культуре и философии восточных цивилизаций, создавая базу общесоциального и философского опыта особого *интроспективного типа.*

В такой трактовке опыт может включать целую систему операций и условий, организующих «познавательные ситуации» разного типа, разной направленности (экстраспективной, интраспективной и др.) и фиксирующих свои результаты в разных когнитивных формах (непосредственных или опосредованных), в том числе и в знаниевой форме (но не только в этой форме, но и, например, в виде компетенций, социогуманитарных техник и технологий, техник измененных состояний сознания, ориентированных на то или иное информационно значимое переживание, и т.д.).

Резюмируя сказанное об опыте вообще, подчеркнем, что, наряду с традиционной его трактовкой в контексте непосредственного знания, получаемого в условиях повседневной или специализированной практики, напрашивается и более широкая его трактовка. Прежде всего она обусловлена изучением различных локально-цивилизационных траекторий развития, имеющих разные векторы приоритетного социального развития (по преимуществу экспансионистские и экстраспективные, или интраспективные и коэволюционные с природной и социальной фазой)... В такой расширенной интерпретации опыт – это:

O_1 – *опыт как инструмент (метод)*, направленный на апробацию *относительно* непосредственного знания и его пополнение. В этом плане в полной мере начинает работать функционально-реляционная концепция опыта, учитывающая и то, что «стартовые» позиции опытного знания всегда соотносятся с абстрактно-теоретическими, опосредованными моделями предмета, которые поэтапно наполняются качественно новыми непосредственными данными; в то же время сам *непосредственный* уровень концептуализируется, символизируется, опосредствуется применительно к исходным опытным позициям. И между чувственными данными и их понятийными интерпретациями нарастает, с одной стороны, слой приборно-инструментальных посредников с их своим символическим смыслом, а с другой – слой теоретико-операциональных звеньев, подводящих ко все более отвлеченным теоретическим моделям.

O_2 – опыт как *знание* определенного качества и уровня в системе «эмпирическое – теоретическое», знание меньшей абстрактности, нежели теоретическое знание данного (сегодняшнего) уровня; знание того уровня, ниже которого в конкретном познавательном процессе не «опускаются»; знание, которое в данной познавательной ситуации непосредственно репрезентирует предмет (объект).

O_3 – опыт *как ценность,* определяющая непосредственную значимость знания, образа предмета, и в то же время определяющая эрудицию и жизненную позицию их субъекта-носителя, и вместе с этим его когнитивный статус, заслуги в деле познавательной деятельности.

O_4 – опыт как *база проблематизации* знаний и исходный пункт поисковой деятельности.

O_5 – опыт как *критерий* достоверности и релевантности комплекса знаний, содержащих и непосредственно предметный, и опосредованно предметный образы.

O_6 – опыт как инструмент *внешнего целеполагания* теоретических и практических действий.

O_7 – опыт как инструмент *внутренней регуляции* чувственно-эмоциональных состояний и выстраивания межличностных коммуникаций, смысложизненной рефлексии.

O_8 – опыт как *база обобщений*, движение к опосредованным образам и моделям предмета.

$О_9$ – опыт как система техник вхождения в измененные состояния сознания (на «входе») и источник, генератор неординарных, не данных в обычных состояниях образов, переживаний, сензитивно-соматических реакций, которые могут быть невыразимы и непереводимы в вербально-логические формы. Во всяком случае такой перевод может составлять систему самостоятельных процедур, не гарантирующих релевантность вторичных образов первичным – трансперсональным: «мысль изреченная – есть ложь» (или, как вполне справедливо замечает Е.А. Торчинов, приводя пример такой «переводимости – непереводимости»: «вполне вероятно, что философская система Спинозы была в значительной степени рационализацией на основе картезианской методологии мистического опыта голландского мыслителя») [14, с. 348]).

Возможно, что этот ряд может быть еще пополнен и далее развернут, но уже понятно, что он более адекватен как к реалиям непосредственного взаимодействия субъекта с вещественно-предметным миром («внешний опыт»), так и к реалиям непосредственного взаимодействия субъекта с различными проявлениями субъективного мира: сензитивно-соматического, интуитивного или отвлеченно-абстрактного порядка («внутренний опыт»), или же к реалиям межличностного, трансперсонального взаимодействия.

В таком аспекте есть смысл говорить и о математическом, и о рефлексивном, и о философском, и о религиозном опыте, и о той части духовных практик, которые связаны с мистикой, медитацией и вообще с измененными состояниями сознания и экстремальными чувственно-соматическими состояниями.

С этих позиций возможно рассмотрение и своеобразия, и структуры философского опыта. В первом приближении можно заметить, что философский опыт охватывает и осознанно включает области знаний, впечатлений, образов с экстремальными, вплоть до противоположных, проявлениями как внутреннего (субъективного), так и внешнего (вещественно-предметного) происхождения. Целью философско-феноменологического поиска выступает проблематизация изучаемых ситуаций и отношений в контексте их полноты, целостности и в то же время предельной экстремальности существования.

Примечательно, что некоторые современные философы даже осознанно культивируют именно философский опыт, «духовные упражнения», дабы подчеркнуть их особое место в формировании философии, «философии как способа жить». Такова, например, принципиальная позиция Пьера Адо, автора книги «Философия как способ жить». Он показывает, что уже для древних философов она представляет не логико-теоретическую систему, но способ жизни, опыт пережитого, направленный на создание «формирующего эффекта» – упражнение на дорогах мудрости..

Основная проблема, связанная с концептом «философского опыта», – это выход к ответам на вопросы: каковы источники философского знания и каковы основные пути и инструменты его формирования? Что следует делать, чтобы стать философом, какого рода деятельности придерживаться? Что есть «любовь к мудрости» и каков путь к ней; или это врожденная способность? Как можно увидеть и отобрать людей, способных пройти этот путь и как выстроить их маршрут?

Здесь возможен целый спектр подходов и ответов на поставленные вопросы, не обязательно взаимно непересекающиеся. Вполне естественно, что большая их часть базируется на западном опыте философствования. Приведем основные варианты (см. табл.).

В свою очередь, философский опыт может включаться в рамки системной модели философской деятельности, где действуют не только разные виды философского опыта, но и разные типы философского дискурса и различные модели философской логики: логики тождественных отношений, логики противоречия, логики подобия, диатропической логики, являясь органическим компонентом философского мышления [8, с. 40–43].

Рассматривая философский опыт в рамках системной модели философской деятельности, следует подчеркнуть, что он выступает в качестве контрагента философско-теоретической деятельности, которая, как особый уровень может быть обозначена как философская мудрость.

Мудрость выступает как синтетический способ мышления, способность реконструировать целостную картину действительности и картину внутренней (духовной) жизни, а также выстраивать поведение и деятельность в соответствии с холистской доктриной (стратегией) миропонимания.

Мудрость выступает как высшая ступень разума и в идеале представляет высшую ступень духовно-практической деятельности, в рамках которой преодолеваются отчужденные проявления разума в различных практико-деятельностных, теоретических и поведенческих интенциях.

Проявления мудрости связаны с расширением поля сознания и формированием супергештальтов, описывающих внешнюю и внутреннюю реальность (соответствующие «картины мира» и «картины духовного

Философско-мировоззренческий опыт: основные версии

Философия – это история философии (или, точнее, неотделима от истории философии). Поэтому знание истории философии, эволюции философских систем, как ответа на те или иные макросоциальные и духовные вызовы, и есть опыт философии, ее т.с. квазиэмпирическая компонента	Философия как «искусство оперировать понятиями» – и не только в рамках формально-логических операций (логика тождественных отношений и преобразований), но и в рамках других *логик* (противоречия, подобия, телеономических, детерминистских отношений и др.). Опыт философии – это опыт оперирования понятиями	Философия как учение о всеобщем в бытии и мышлении. Философский опыт – умение и способность выделить всеобщее, выходить на уровень всеобщего в виде категорий. Опыт – живая способность генерировать не только отдельные новые категории, но и их системы и субсистемы, способность интерпретировать взаимосвязи между категориями	Философия – определенный тип синтетического мышления, и ее опыт связан с инструментарием формирования отраслевых (дисциплинарных) картин мира и общей картины мира	Философия – это трансцендирующий путь постижения мира, система спекулятивного мистицизма, философский, а опыт – рационализация «опыта запредельного»
Опыт философии – это умение осуществлять парадигмально-концептный и деятельностно-методологический анализ в сфере духовных отраслей, включая и науку	Опыт философии, учитывая и опыт философии Запада и Востока, это набор психотехник, психопрактик, позволяющих входить в измененные состояния сознания и в последующем осуществлять понятийное, теоретическое осмысление полученных образов	Философский опыт – это опыт организации рефлексивного мышления	Философский опыт – сфера деятельности структур множественного интеллекта (по Гарднеру), а философское знание – результат обобщения данных этого опыта	Философский опыт – сфера предельных *испытаний* духа
2; 3; 8. Интегративный опыт философских логик	**5; 7; 10.** Интегративный опыт философских техник	**4; 6; 9.** Опыт осуществления системно-синтетического мышления	**1.** История и эволюционные философские кейс-стади	

мира»). И вместе с тем это синтетическое личностное знание, полученное опытным путем («Путь» – как концепт, отражающий траекторию, эволюцию жизненного и духовного развития).

Диатропическое рассмотрение прежде всего цивилизационного ряда Запад–Восток–Россия показывает, что западная философия при всех цивилизационных трансформациях (Античность, Средние века, Новое время, Новейшая философия) сохраняет в качестве ядра культивируемую рациональность, ориентированную на реконструкцию дихотомии внешнего и внутреннего мира и активно-преобразовательное отношение к миру, обществу и человеку.

Для Запада философский опыт – это опыт рефлексии духовно-практических, духовно-предметных отношений *корреспондентного типа.* В конечном итоге – методология операционализации стратегического целеполагания и целедостижения в разных формах деятельности.

*Для восточной философии х*арактерен опыт рефлексии духовно-практических и духовных отношений *когерентного типа.* Огромное значение придается изучению и обобщению контекстуальной и коэволюционной составляющих в развитии предметного мира и духовных практик.

Что касается России, то ее философский опыт приоритетно нацелен на подготовку условий для смысложизненной и идентификационной рефлексии.

Для отечественной социально-философской мысли как раз характерна проектная направленность, начиная от идеи всеединства и философии «общего дела» и заканчивая проектами социального государства и «рыночного общества».

И каковы же перспективы в диатропическом развитии рассматриваемых локальных цивилизаций? Наблюдается ли их сближение и, в связи с этим, конвергенция цивилизационных парадигм философской деятельности и философского опыта?

На первый взгляд, в связи с ускоряющимся процессом глобализации и интенсификацией обменов товарами, услугами, информацией, людьми, такая конвергенция должна наблюдаться. И наблюдается, но в той части, что касается диффузии инноваций прежде всего технико-технологического свойства. Но вот что касается гуманитарных – с этим дело обстоит сложнее. Перенимаются частично их функции, последние результаты, но структура, организация процесса распространения осуществляется специфически. Характерный пример с менеджментом. Известно, что за последние полвека в процессе внедрения производственных и управленческих инноваций в мире сформировались и конкурируют несколько моделей менеджмента: американская, немецкая, шведская, японская, китайская. Каждая из них отражает цивилизационную специфику обществ, конкурирующих между собой в области эффективного управления производством, но сохраняя и развивая свою специфику, основанную на социальных и культурных традициях, базовых ценностях и ментальности.

И в то же время об этом мало говорят, но вполне определенно сказывается и характер природной, географической среды, ее ресурсной и климатической специфики. И если социокультурные факторы достаточно быстро меняются, то природное окружение сохраняется в определенных границах проживания стабильным в течение столетий.

Основные цивилизационные параметры, и прежде всего их экстремальные проявления, составляющие основной предмет философского опыта, такие как природно-экологический и геополитический контекст существования, продолжат оказывать существенное влияние на русскую ментальность и русский национальный характер, что будет обусловливать долговременные тренды и в развитии русской философии.

Примерно то же, но еще в большей мере касается философского опыта восточных цивилизаций, поскольку приобретать этот специфический опыт интроспективной направленности предстоит прежде всего цивилизации Запада и России. Возможно, что именно этот опыт и определит шансы на выживание глобального сообщества.

1. Гарднер, Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта [Текст] / Г. Гарднер. М.: Изд-во «Вильямс», 2007. 512 с.

2. Гордеева, О.В. Измененные состояния сознания: природа, механизмы, функции, характеристики [Текст] / О.В. Гордеева. М.: Изд-во «Когнито-Центр», 2012. 254 с.

3. История современной зарубежной философии: компаративистский подход. В 2-х т. СПб.: Изд-во «Лань», 1998. 448/320 с.

4. Коллинз, Рэндалл. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения [Текст] / Р. Коллинз. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 2002. 1284 с.

5. Нейсбит, Р. География мысли [Текст] / Р. Нейсбит. М.: Астрель, 2011. 285 с.

6. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 3. М.: «Мысль», 2010. 692 с.

7. Режабек, Е.Я., Филатова, А.А. Когнитивная культурология [Текст] / Е.Я. Режабек, А.А. Филатова. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2010. 312 с.

8. Старостин, А.М. Summa Philosophiae в прикладном измерении [Текст] / А.М. Старостин. Ростов н/Д.: Дониздат, 2014. 576 с.

9. Старостин, А.М. Дилемма «элитизм-эгалитаризм» в политической философии и социальной практике [Текст] / А.М. Старостин // В кн. «III Российский философский конгресс. Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия». Ростов н/Д., 2002. С. 327–328.

10. Старостин, А.М. Космический эксперимент как новый этап эксперимента (философско-методологический анализ) [Текст] / А.М. Старостин. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1977. 24 с.

11. Старостин, А.М. Философские инновации в когнитивном и праксиологическом контексте [Текст] / А.М. Старостин. М., 2012. 368 с.

12. Старостин, А.М. Цивилизационная идентичность как потенциал русской философии [Текст] / А.М. Старостин // Русская философия и российская государственность. Ростов н/Д., 2009. 640 с.

13. Старостин, А.М. Цивилизационная парадигма в политической науке [Текст] / А.М. Старостин // Сб. трудов IV Всероссийского конгресса политологов. М., 2006. С. 428–429.

14. Торчинов, Е.Я. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е.Я. Торчинов. СПб.: Изд-во Азбука, 2007. 480 с.

References

1. Gardner G. (2007) Struktura razuma. Teorija mnozhestvennogo intellekta. Moscow, Izd-vo «Vil'jams», 512 p. [in Rus].

2. Gordeeva, O.V. (2012) Izmenennye sostojanija soznanija: priroda, mehanizmy, funkcii, harakteristiki. Moscow,Izd-vo «Kognito-Centr», 254 p. [in Rus].

3. Istorija sovremennoj zarubezhnoj filosofii: komparativistskij podhod (1998). V 2 t. SPb, Izd-vo «Lan'», 448/320 p. [in Rus].

4. Kollinz Rjendall (2002). Sociologija filosofij. Global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija. Novosibirsk, Izd-vo «Sibirskij hronograf», 1284 p. [in Rus].

5. Nejsbit R. (2011) Geografija mysli. Moscow, Astrel', 285 p. [in Rus].

6. Novaja filosofskaja jenciklopedija v chetyreh tomah (2010). T. 3. Moscow, «Mysl'», 692 p. [in Rus].

7. Rezhabek E.Ja., Filatova A.A. (2010) Kognitivnaja kul'turologija. SPb, Izd-vo «Aletejja», 312 p. [in Rus].

8. Starostin A.M. (2014) Summa Philosophiae v prikladnom izmerenii. Rostov n/D, Donizdat, 576 p. [in Rus].

9. Starostin A.M. (2002) Dilemma «jelitizm-jegalitarizm» v politicheskoj filosofii i social'noj praktike // V kn. «III Rossijskij filosofskij kongress. Racionalizm i kul'tura na poroge tret'ego tysjacheletija». Rostov n/D, p. 327–328 [in Rus].

10. Starostin A.M. (1977) Kosmicheskij jeksperiment kak novyj jetap jeksperimenta (filosofsko-metodologicheskij analiz). Rostov n/D, 24 p. [in Rus].

11. Starostin A.M. (2012) Filosofskie innovacii v kognitivnom i praksiologicheskom kontekste. Moscow, 368 p. [in Rus].

12. Starostin A.M. (2009) Civilizacionnaja identichnost' kak potencial russkoj filosofii // Russkaja filosofija i rossijskaja gosudarstvennost'. Rostov n/D, 640 p. [in Rus].

13. Starostin A.M. (2006) Civilizacionnaja paradigma v politicheskoj nauke // Sb. trudov IV Vserossijskogo kongressa politologov. Moscow, p. 428–429 [in Rus].

14. Torchinov E.Ja. (2007) Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo. SPb, Izd-vo Azbuka, 480 p. [in Rus].

UDC 140.8

PHILOSOPHICAL AND WORLDVIEW EXPERIENCE IN THE SYSTEM OF SOCIAL PRACTICE: CIVILIZATIONAL CONTEXT

Starostin Aleksander Mikhailovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management – branch, Head of the Department Chair of Philosophy and Methodology of Science, Doctor of Political Science, Professor, Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Annotation
The article deals with the problems of worldview support of up-to-date global transformations. Nowadays on the highest level these functions are realized on the basis of philosophical worldview.
The greatest importance is given to philosophical experience as a counteractant of philosophical and theoretical activity. Just in its structure there are backgrounds of philosophical and worldview perception of the world in general. The author shows that the western philosophical and worldview experience is characterized by correspondence of intellectual and practical relations whereas the eastern is characterized by their coherence. In Russia its philosophical and worldview experience is primarily aimed at preparing conditions for life-purpose and identification reflection.

Key concepts:
globalization,
civilizational paradigm,
experience,
philosophical and worldview experience,
exrospective and introspective targets,
correspondence and coherence of intellectual and practical activities,
life-purpose and identification reflection.